

Сергей Осташко

Давно это было...

Чисто первомайская формулировка

Давно это было, а кажется, что не так уж и... Что такое сорок лет для истории?

Короче, шли глубоко советские времена. Нас, студентов университета, как и любых других студентов университета и вообще любых других вузов, заставляли ходить на демонстрации. И что интересно, ходить мы любили. В отличие от обязательного в остальных компаниях алкоголя, мы брали с собой патефон с пластинками. Да-да, самый настоящий патефон, в синем прямоугольном чемоданчике, с вращающейся ручкой сбоку, с фигурным рычагом, оканчивающимся оконечностью динамика, куда нужно было вставлять металлические иголки. И пластинки у нас были соответствующие, идеологически выдержанные: «Варшавянка», «Взвейтесь кострами, синие ночи», «Мой миленок хоть куда, он теперь герой труда!».

На каждой остановке, а их от здания университета на Пастера до Куликовского поля, пардон, площади Октябрьской революции, было штук 40, если не все 120. До сих пор удивляюсь, неужели нельзя было организовать все так, чтобы не останавливаться каждые двадцать метров. Или это делалось специально, чтобы подогревать энтузиазм масс горячительными напитками в подворотнях.

Так вот, мы брали с собой на демонстрацию патефон и на каждой остановке заводили его, ставили на мостовую и устраивали вокруг него хоры и хороводы. Тут же собиралась толпа, люди смеялись, подпевали, знакомились, предлагали выпить. Потом по команде некоего неуловимого дирижера колонна сдвигалась, а через 20 метров все повторялось снова.

Последняя остановка была в самом конце Пушкинской, перед выходом на Привокзальную площадь. Слева на балконе второго этажа на табурете в позе Наполеона, уперев руки в колена, сидела тетка одесских размеров. Она всегда там так и сидела, я помню ее с детства. И услышав наш патефон, тетка с трудом привставала, перегибалась через перила и зычным голосом, который был слышен, наверное, и в Отраде, возвещала: «Слава советскому студенчеству». Это, наверное, было сигналом для распорядителей шествия, потому что сразу после того, как в колонне восстанавливался слух, она двигалась с места, и уже не останавливаясь, прошла через площадь.

На этом собственно демонстрация для большинства людей заканчивалась, и они расходились по домам допивать водку. Но была, была одна несчастная прослойка особо доверенных людей, которым доверяли не только пройти через площадь, но и пронести через нее знамена. И эти знамена как особо материальную ценность предстояло вернуть в университет.

Обычно от такой чести мы старались отлынивать, приходя на демонстрацию, когда колонна уже двигалась, и все знамена были розданы. Но в тот год отвертеться не удалось. Узнав из личного дела, что я живу неподалеку от универа, меня заранее назначили ответственным за группу знаменосцев. И друзья – вот они, настоящие друзья – не остались в стороне. «Раз все равно тащить символы государственной власти в альма-матер, то мы тебе поможем. Но и отмечать Первомай будем у тебя дома». На том и порешили.

От Куликовского поля до Приморского бульвара сплоченная группа из 10-12 знаменосцев, неся на себе 10-12 единиц материальной ответственности, шла более-менее спокойно. Но возле памятника Пушкину нам стало скучно. Захотелось отчебучить чего-нибудь такого, чтобы слух о нас прошел по всей Руси великой. Очевидно, пушкинской строкой навеяло. И мы придумали. Развернули знамена и, хором распевая «Вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут...», двинулись в сторону Дюка.

Ну что вам сказать? Во времена Пушкина охранное отделение работало гораздо хуже, чем наши компетентные органы. Тем более что создана первая охранка была лет через тридцать после смерти поэта. Наши же отреагировали молниеносно. У Дюка нас

уже ждали четыре «воронка». Погрузили нас внутрь, а длинные материальные ценности как-то на крыше закрепили.

Привезли нас в райотдел на Греческой, а что делать с нами, никто не знает. Ну в обезьянник посадили – это как здрасте. Материальные ценности пересчитали. Оказалось не 10 и не 12, а целых 13. А что дальше? Вроде приличные ребята, относительно трезвые, с символами государства опять же. Нужно же протокол составлять, а что писать, даже если умеешь? Сержант бедный аж измучился над чистым листом бумаги. И тут наш Сэм, самый подкованный, у него по общественным дисциплинам никогда меньше тройки не бывало, сжалился. Говорит: «Пиши, диктую. Первого мая группа неустановленных лиц шла по улице с развернутыми знаменами и пела революционные песни».

Сержант аж просиял. Но не сразу, а минут через пятнадцать, когда закончил выводить эту тираду. «Вот спасибо, говорит, выручил, век не забуду». И взялся за телефон сообщать куда следует о раскрытой организации новых эсэров – студентов-революционеров. И неизвестно, чем бы дело закончилось, если бы в этот момент в отделение не заглянул начальник – майор, который, по счастью, кроме звания умел еще и читать. Прочел он запись сержанта в протоколе, схватился за голову, затем быстро, чтобы никто не видел, разорвал бумаженцию и выгнал нас ко всем чертям. Даже не стал выслушивать благодарности за то, что его хлопчики нам на целых четыре квартала сократили путь к университету.

Вечером первый тост у меня дома мы подняли не за солидарность трудящихся, а за ликвидацию неграмотности, которая даже майора милиции научила читать. А на следующий день вражки голоса передали, что на Первое мая власти разогнали мирную демонстрацию трудящихся. Но это уже совсем другая, не первомайская история.

Сухой нам не закон

31 год назад, в мае 1985 года, всю страну буквально потряс Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством», положивший начало антиалкогольной кампании. Помню, как это начиналось в Одессе.

Стоял прекрасный майский день. Я возвращался с работы, и мое внимание привлекла группа хмурых мужиков, столпившихся возле открытого окна. Изнутри торжественным, чуть ли не левитанским голосом доносилось нечто страшное:

«Трудящиеся справедливо требуют проведения более эффективных мер по искоренению пьянства, создания нетерпимого отношения к любым его проявлениям, решительного пресечения самогонварения, дальнейшего укрепления общественного порядка и трудовой дисциплины».

Прислушав все шесть пунктов об усилении ответственности (за распитие спиртных напитков в общественных местах и появление в общественных местах в пьяном виде; за распитие спиртных напитков на производстве; за вовлечение несовершеннолетних в пьянство; за нарушение правил торговли спиртными напитками; за изготовление, сбыт, хранение и приобретение крепких спиртных напитков домашней выработки; за управление транспортными средствами в состоянии опьянения), я проникся, зашел в ближайший гастроном, идя навстречу пожеланиям трудящихся, и на все имеющиеся в карманах деньги уменьшил запас спиртного в свободной продаже.

Подходя к дому, я увидел, что через дорогу двое работяг, судя по запаху, тоже уже уменьшивших запас спиртного, причем вовнутрь, сколачивают какую-то будку.

– Что это будет? – поинтересовался я.

– Завтра увидишь, – последовал ответ.

А назавтра, выйдя из дома, я увидел, что в свежесколоченной будке тетенька всю торговлю пивом. И понял, что этот указ я как-нибудь переживу.

И действительно, в Одессе антиалкогольная кампания была какой-то щадящей. Да, исчезла водка в гастрономах, но на расстоянии одного квартала от дома появились два подвальчика, где, выстояв считанные 20-30 минут, можно было взять целых две бутылки. Причем из-за того, что бутылок разрешалось покупать именно две, резко сократилось потребление вина и на такое же число бутылок возросло потребление водки. Действительно, какой смысл брать вино, если водка «вставляет» гораздо сильнее. Ну а если тебе приспичило до 14:00 или после 18:00, то всегда

можно подойти за угол к заветному окошечку в полуподвале напротив Украинского театра, съездить на Среднюю или, на худой конец, остановить практически любой «зеленый огонек». Водку в багажнике в те лихие времена возили все таксисты.

В общем, Одессе повезло. До сих пор с содроганием вспоминаю километровые очереди возле московских ликеро-водочных с руганью, драками и чуть ли не со смертоубийством.

Однажды это едва не закончилось смертельным исходом лично для меня. Правда, не сами очереди, а невозможность из-за них купить водки. Тогда, едучи холодной зимой в командировку, я полежал ночь в поезде под оконной щелью и добрался до столицы абсолютно больной. В таких случаях – я себя знаю – помогает: 20 минут под кипятком в душевой, стакан водки с перцем и хорошенько ночь пропотеть под шерстяным одеялом. Но на мою беду, водки у друга, где я остановился, не оказалось, а поход за ней в ближайший магазин (три остановки метро) не принес никаких результатов и едва не закончился смертельным исходом по причине давки за вышеупомянутым продуктом. В результате всю командировочную неделю я провалялся в постели.

Собираясь в командировку в следующий раз, я уже подготовился и прихватил с собой сразу четыре бутылки водки. Узнав, что из Одессы приехала такая гуманитарная помощь, у друга собрались все московские знакомые и, когда водка подходила к концу, начались воспоминания:

– А помнишь, как в общагу зашел Серый, мы зашли за Серегой, взяли бутылку и нагрянули к Сережке с Ленкой? И как она потом была недовольна...

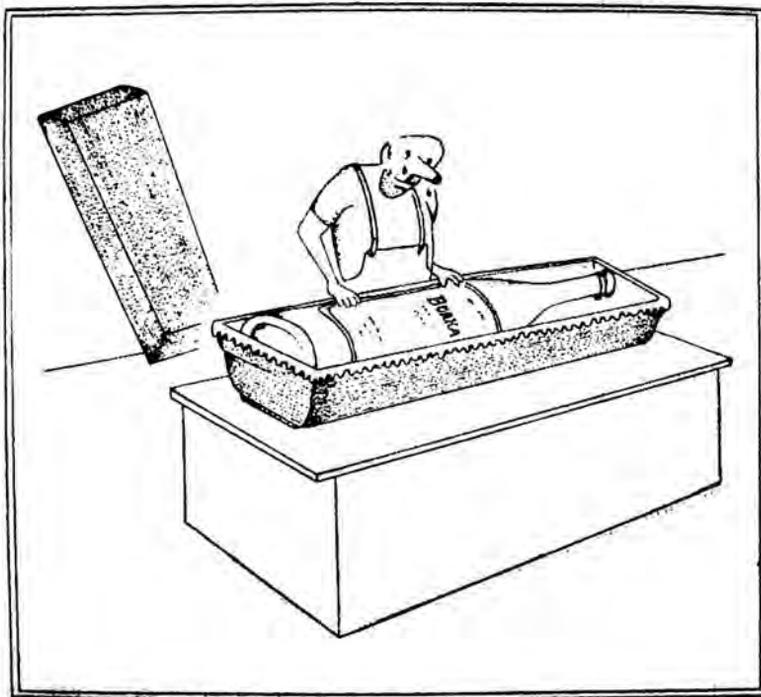
– А помнишь, как мы классно посидели в ресторане «София»? Съели четыре ассорти из барашка и выпили четыре литра «Гамзы»...

– А помнишь, как мы оторвались на дне рождения у Наташки? Трижды за добавкой бегали...

Тут же возле стола, кайфуя, что на него никто не обращает внимания, копошился годовалый Гошка. И глядя на него, я вдруг подумал: «Ну хорошо, нам есть что вспомнить. А что будет вспоминать он?..». И поднял тост за то, чтобы нашим детям тоже было что вспомнить!

И оказалось, я как в воду глядел. В 1988 году антиалкогольная кампания благополучно сошла на нет, и у гостившего у меня недавно уже великовозрастного Гошки прекрасно есть что вспомнить.

Но это было уже потом, а тогда, в 85-м, газеты запестрели сообщениями о перепрофилировании ликеро-водочных заводов, вырубленных под корень виноградниках и безалкогольных свадьбах. Народ выдумал лозунг: «От безалкогольной свадьбы к непорочному зачатию», – а многочисленные карикатуры на заданную сверху тему получались почему-то с легкой грустинкой, как, например, этот рисунок Александра Митника, опубликованный в газете «Знамя коммунизма».

А вершина наглядности антиалкогольной агитации, отмеченная даже в обкоме партии, заслуживает того, чтобы процитировать ее полностью:

Погулял...

Когда машинист локомотивного депо Одесса-Сортировочная В.С. Перепелица в один из летних дней потянулся к очередной рюмке, вряд ли думал он тогда, во что это выльется...

После ночи, проведенной в медвытрезвителе, пришлось В.С. Перепелице держать ответ на заседании комиссии по борьбе с пьянством, на собрании трудового коллектива. А на следующий день в депо на видном месте появилась «молния», в которой подсчитано, во что в денежном выражении обошелся машинисту очередной загул.

Приводим полностью:

Спиртное – 5 рублей 30 копеек.

Закуска – 2 рубля 20 копеек.

Услуги за обслуживание в медвытрезвителе – 15 рублей.

Лишение премии за июнь – 50 рублей.

Лишение тринадцатой зарплаты – 150 рублей.

Штраф – 30 рублей.

Лишение доплаты за выслугу лет – 150 рублей.

Разница в зарплате (переведен на нижеоплачиваемую должность) – 300 рублей.

Итого – 702 рубля 50 копеек.

Такая скрупулезная «калькуляция» заставит задуматься не одного выпивоху.

